

— Я хочу получить ваше прощение, пусть даже и таким способом.

Глаза Каллена отражали искреннее желание.

— Разумеется, этого недостаточно, дабы искупить все ошибки прошлого. Я лишь хочу получить каплю прощения и надеюсь, что гнев, переполняющий душу сестры, хоть немного утихнет.

— Убери это с моих глаз.

Канна поставила коробку на стол резким, бросающим движением.

— Каллен, я не думаю, что мы пойдем одним путем. Не надо заставлять меня прощать.

— Но мы же продолжим вместе жить под одной крышей.

Продолжим вместе жить? Звучит смешно.

'Через месяц ноги здесь моей не будет'.

Забавно говорить подобные вещи, не зная всей истины.

— Я бы не посмел просить прощения, ничего ради этого не сделав. Я хочу заплатить за все мои грехи.

— Ох, какие напыщенные речи. Даже сам Бог всколыхнется от удивления.

Канна саркастично пробормотала.

Она как мерзкая сучка, которой не ведомы ни прощение, ни милость?

— Ты сказал, что хочешь заплатить за свои деяния? Тех денег, которые я недавно у тебя обманом выпросила, хватит.

— Однако сестра меня еще не простила. Очевидно, цены недостаточно. Так что прошу наказать меня, пока ваше сердце не обретет покой.

— Я не хочу.

— Сестра, прошу.

Канну переполняли недовольство и гнев.

Он что, глухой и не понимает речей? Был четкий отказ, но все ее слова — как об стенку горох!

'Я разве не ясно выразилась?'

Гребаное попрошайничество прощения, проклятая цена за совершенные проступки.

Он не интересовался в ее чувствах и продолжал жаждать утоления своего желания.

Чувства, намерения Канны. Каллен их даже не воспринимает во внимание.

Всегда были важны лишь желания Каллена. Когда он ее ненавидит, то заставляет страдать, а когда хочет примирения – умоляет о прощении.

Каллен Эдис не изменился. Ни на йоту.

Канна молча смотрела в лицо мужчине, вечному эгоисту. И потом внезапно задумалась.

Она ненавидит его настолько, что готова убить, но...не может его ударить?

В любом случае они вскоре навсегда расстанутся.

— Хорошо, если ты того хочешь, я исполню.

Однако это не цена за его грехи. Это не что иное, как вымещение злости.

— Снимай рубашку.

Но Канна не могла сделать это в трезвом уме, потому налила в стакан виски и тут же залпом выпила.

Тем временем Каллен снял рубашку и встал перед ней.

— Встань к стене.

Каллен прислонился к стене.

Канна исподлобья на него посмотрела, будто раздирала его широкие плечи и спину с

изящными мышцами.

'Проклятье'.

Канна схватила хлыст и прикусила губу.

Канна колебалась, потому что переживала.

Не так-то просто нанести удары по чьему-то телу собственными руками. Если ударить – Каллен останется довольным. С каждым ударом его вина будет постепенно уменьшаться.

И однажды он спросит: «Почему бы после всех ударов вам меня не простить?». Это очевидная проблема.

Как тогда, в подземной лаборатории.

Канна знала. Ее положение всегда будет в плачевном состоянии.

Если она останется в этом доме, то не посмеет не простить.

'Нет, все хорошо. Я вскоре уйду'.

Так что ему никогда не видать прощения.

Но и это тоже не наказание и не оплата. Каллен не оплатит так свои грехи. Это всего лишь мимолетное излияние гнева.

Шлеп!

Со звуком хлыст ударил по его спине. Затем на его спине нарисовался красный след.

Шлеп, шлеп, шлеп!

Она ударила его несколько раз подряд, однако Каллен даже не вздрогнул.

Канна нахмурилась. Она думала, что на душе станет легче, если ударит Каллена, но неприязнь лишь усилилась.

— Думаешь, этого хватит? Ты так оплатил?

— Нет.

— Почему?

— Могу ли я быть с вами честным?

Напротив, голос Каллен звучал безмятежно.

— Хлыст, который я вам дал, предназначен для убийств. Это орудие, дабы разрывать плоть и ломать кости.

Орудие для убийств? Вот это?

— Но, учитывая, что боль слабая, полагаю, вы оставили на мне лишь царапины.

— ...

— Если честно, было не так больно. Ударьте сильнее.

Тогда Канна совершенно растерялась.

Если Каллен получит смертельные травмы, повредив позвоночник, у него может возникнуть гемиплегия.

Что, если тогда она себя почувствует виноватой?

Именно того Каллен и добивается.

'Я не хочу так сгинуть'.

Канна бросила хлыст в пылающий камин.

— Сестра, почему вы остановились?

— Это глупо. Я чувствую себя мерзкой дрянью.

Канна подняла его одежду с дивана и бросила ее в него.

— Прочь.

— Сестра.

— Не уйдешь? Тогда что, мне уйти?

— ...

Каллен больше не мог противиться и молча покинул комнату.

Быть может, это все из-за пережитых страданий? Канна опешила и еще выпила виски.

'Нужно просто подождать. Тогда все закончится'.

Рано или поздно все закончится.

Скоро она навсегда распрощается с этими гребаными Эдисами.

На следующий день алхимическую лабораторию полностью отремонтировали.

Канна тут же занялась экспериментом.

'Неужели это случится...'

Канна рисовала замысловатые узоры на бумаге, что были с размером ладони.

Нарисовав гексаграмму, она добавила неизвестные символы.

Используемые чернила также были необычными. Они были получены путем плавления камня маны и смешаны с несколькими каплями крови.

'Не думаю, что получится'.

Согласно книге, алхимия пришла из другого мира. Эти знания не отсюда.

И этот узор — некий канал связи между мирами, переносящий силу из другого мироздания.

'Это как магический круг, призывающий силу? Если в целом так рассуждать, то должно получиться?'

У обычных людей, живущих в «этом месте», ничего бы не получилось. Для подобной алхимии нужны «чужие», такие, как Канна и Сон Хи.

«Это древняя книга по алхимии храма, как бенпхун. Только в моих руках он используется должным образом».

В книги было краткое указание, оставленное Сон Хи.

— Это вправду получится?

Нарисовав узор, Канна с подозрением уставилась на бумагу.

Говорят, если втереть в узор собственную кровь, то можно превратить вещи в золото.

'Это вообще возможно?'

Почему-то у нее было предчувствие, что ее дурачат.

Она опустила авторучку на бумагу, горя желанием это сделать.

Затем проткнула кончик пальца так, что полилась кровь, которую она осторожно втерла в узор.

— Ай!

В следующую минуту Канна не могла поверить собственным глазам. Из узора начал вздыматься черный дым!

Но это как...

'Это как Черный туман...?!'

Спустя некоторое время, когда черный дым испарился, авторучка засияла золотым цветом.

Но это не просто золотистый цвет.

Золото. Это настоящее золото.

—Она вправду превратилась в золото....

Полностью осознав ситуацию, она почувствовала на душе облегчение. Немного забавно.

У нее получилось.

Впредь можно жить, не беспокоясь о деньгах! Канна взволнованно перевернула лист страницы.

'Это самая базовая техника'.

Хоть создание золота и было базовой техникой, но она была самой загадочной, поразительной из всей этой книги.

Помимо преобразования свойств веществ, существовали узоры для создания таких элементов, как огонь и вода.

От чтения о создании живой куклы, подобной человеку, по позвоночнику Канны пробежал холодок.

Преобразование и создание материи.

Для Канны древняя алхимия ничем не отличалась от святого царства Бога.

'Я должна осторожнее относиться к своей крови. Я не могу ее случайно пролить'.

Когда она так подумала, то вспомнила.

Церемонию развода. Она вспомнила. Перед тем как войти в храм, у нее потребовали кровь.

'Этого не должно больше повториться'.

Причина ясна.

Безумный и одержимый алхимией человек может ее украсть и использовать со злым умыслом.

Канна пообещала, что впредь подобного не должно повториться.

'Кстати, в середине книги некоторой части нет'.

Куда пропали вырванные страницы?

Канна искренне молилась, что они не попали в руки какого-нибудь психопата.

В тот момент.

— Мисс, прибыл его высочество принц Аргон.

Аргон?

Канна поспешно закрыла книгу. Она вложила бумагу с узором в книгу и ответила.

— Отведи его в гостиную. Я скоро приду.

— Мне жаль, сэр герцог.

Сильвиен спокойно и молча взглянул на дворецкого. Лицо дворецкого, на коем остановился взгляд, побледнело.

— Вам жаль? Кажется, в последнее время это слово зачастило попадать в мои уши.

— Мне стыдно. Я не могу вам взглянуть в лицо.

— Разумеется. Вы допустили такую оплошность.

Сильвиен не мог улыбнуться. Потому что дворецкий совершил ошибку, из-за которой невозможно нацепить милую улыбку.

— Вы потеряли некоторые необходимые документы для развода?

Он свирепо рассмеялся.

— Неужели развод между Эдисами и Валентино — пустяковое дело?

— Нет, это...

Дворецкий попытался извиниться, но тотчас умолк.

Как он мог допустить такую ошибку? Один из документов, необходимых для развода, был

упущен!

Сильвиен, как глава влиятельной аристократической семьи, поручал своим служащим выполнять рутинную работу.

Например, посещение различных административных отделов и передачу необходимых документов для развода.

Дворецкий передал Сильвиену документы, полученные из администрации. А Сильвиен, разумеется, их отдал Канне. Так что, с точки зрения Канны, Сильвиен халатно отнесся к делу.

Сильвиен попал в затруднительное положение. В очень.

— Почему вы допустили оплошность именно с мисс Эдис? Это похоже на то, что я намеренно использовал такой хитрый трюк, не желая с ней развода.

— Потому что администрация предоставила не все документы. Они сказали, что в вашем разводе это не вызовет проблем.

— Разумеется, они так и скажут.

Дворецкий испустил спокойный вздох.

— Тогда я немедленно отправлюсь в особняк Эдисов. И получу подпись мисс...

— Нет. Не нужно.

Сильвиен встал. Он надел пиджак, висевший на стуле, и произнес.

— Я больше не могу доверять подобные дела дворецкому. Я лично отправлюсь.

— Что?

— Это означает, что вы уволены.

Сильвиен твердо промолвил, надевая мужское кепи. Он произнес очень мягким тоном, так что дворецкий не сразу понял смысл.

Но вскоре он вздохнул и опустил голову. Любой бы сказал, что он выглядел как уволенный.

— Для меня было большой честью все это время вам служить. Сэр герцог.

Через некоторое время Сильвиен взял документы и сел в карету. И приказал.

— В особняк Эдис.

<http://tl.rulate.ru/book/46467/1773725>